

Мельникова Галина Владимировна

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПЕРМСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматриваются русские лексические заимствования в словарном составе пермского говора среднего диалекта татарского языка. Обращается особое внимание на отличия, образующие специфику пермского говора, которыми являются проникновение в исследуемый говор диалектизмов из окружающих русских говоров, а также наличие в пермском говоре русских заимствований, выступающих эквивалентами татарских слов в говорах среднего диалекта татарского языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/3/20.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (105). С. 74-76. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 81'282

Филологические науки

В данной статье рассматриваются русские лексические заимствования в словарном составе пермского говора среднего диалекта татарского языка. Обращается особое внимание на отличия, образующие специфику пермского говора, которыми являются проникновение в исследуемый говор диалектизмов из окружающих русских говоров, а также наличие в пермском говоре русских заимствований, выступающих эквивалентами татарских слов в говорах среднего диалекта татарского языка.

Ключевые слова и фразы: русские заимствования; русские говоры; пермский говор; татарские говоры; диалектные особенности; специфика говора.

Мельникова Галина Владимировна

*Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
nightvolga@mail.ru*

**ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ПЕРМСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА**

Заимствования составляют значительную часть лексико-семантической системы пермского говора татарского языка. Они являются отражением культурно-экономических, общественно-политических отношений носителей данного говора с другими народами.

По объему и характеру русских заимствований пермский говор, в основном, совпадает с другими говорами среднего диалекта татарского языка. Но в этой связи стоит обратить внимание и на отличия, образующие специфику изучаемого говора.

Одной из особенностей, характерных для состава русских заимствований, является проникновение в исследуемый говор диалектизмов из окружающих русских говоров. Разговорный язык является главным средством общения, поэтому на тот или иной говор влияет русский говор, распространенный в данной местности. Эта закономерность привела к тому, что в пермском говоре татарского языка сохранились диалектальные особенности русских говоров, распространенных на Среднем Урале [2].

Бутала (рус. ботало) – колокольчик четырехгранной формы на шее лошади [4, с. 140].

Бабушка (рус. бабушка) – повивальная бабка, повитуха. *Мин бабушкалыкта күп йөрдәм. – Мне часто приходилось быть повитухой.* В русских говорах Среднего Урала *бабушка* – повитуха; *знахарка* [3].

Нажым/нажум/нажым/нажум (рус. назем) – навоз. *Нажум өскә тороп салгач, черетә (кыярны).* – Если сверху положить навоз, будут гнить (огурцы) [4, с. 492, 494]. *Нажым сәнәк* – вилы навозные.

Дырапач/тырапач (рус. драпач) – борона треугольной формы. В русских говорах, распространенных на Среднем Урале, – *драпач* – грабли [3].

Әхтийәр (рус. бахтер, бахтерка) – любовник, любовница. *Әхтийәрләр белә эҗоқлаган кебек эҗәйеп эҗийалар инде урыннарын.* – Постель застилают как для любовников. В русских говорах Среднего Урала слово *бахтер*, *бахтерка* распространено в том же значении.

Бида (рус. беда) – очень. *Бақчада бида шәп қорт.* – Жуков в огороде очень много [4, с. 120]. Это слово в том же значении известно не только в русских говорах Среднего Урала, но и отмечено в златоустовском говоре татарского языка, также распространено в башкирских говорах и в диалекте язъва коми языка [2].

Дукил (рус. до кель) – далеко, долго. *Шушы урам буйы дукил барып табарсыз Ғата абзыйны.* – Вот по этой улице долго идите, найдете Ғата абзый. *Қул буй дукил бардық, шоморт тапмадық.* – Долго шли вдоль оврага, черемухи не нашли [4, с. 172]. В Словаре русских говоров Среднего Урала зафиксированы следующие фонетические варианты данного слова: *доколе, докале, докаль, докель, докуле, докуль* в значениях «до какого-то места», «до какого-то времени» [3].

Гарачүкә/гәрәчүкә (рус. гречуха) – гречиха. *Қорт күбрәк эҗирдә гарачүкә чәчәләр қый.* – Там, где больше жуков сеют ведь гречиху [4, с. 151]. Слово *гречуха* является диалектальным вариантом, распространенным в соседних русских говорах.

Көрәнте (рус. крант) – 1) свалка на глухой стороне дома; 2) чуланчик в сенях с небольшим оконцем в сторону свалки, используемый в качестве летней кухни. В других говорах татарского языка данное слово не отмечено. *Крант* (кран) – диалектизм, употребляемый в русских говорах данного ареала.

В словах *чәйгун* (рус. чайгон), *шукетерик туту* (рус. шукетерить – штукатурить) и др. также наблюдаются диалектальные формы русских говоров, распространенных в данной местности.

Второй характерной особенностью пермского говора в области заимствований является наличие в нем русских слов, выступающих вместо общетатарских слов в говорах среднего диалекта татарского языка.

Пытлук/пытылук/путлук/путьлук (рус. потолок) – потолок. *Путьлукны ике қат буйаган.* – Покрасил потолок в два слоя [Там же, с. 544].

Завал'нә (рус. завалина) – завалинка. *Бездә завал'нәне күммиләр, эстинә черемәсен дип.* – У нас завалинку не насыпают, чтобы не прогнивала стена [Там же, с. 197]. В словаре В. Даля зафиксировано слово *завалина* в том же значении [1].

Кезнеч/көзнөч (рус. кузнец) – кузнец; кузница. *Көзнөчтә эшли бабайым, төшлеккә кайтавы. – Мой муж работает в кузнице, он придет к полудню.*

Мылтоқ/мылтык/мылтук/мултук (рус. молоток) – молоток. *Мылтоқ беле тебедем дә мичкә ордом. – Молотком отбила и бросила в печь.*

Дум (рус. дом) – дом, хозяйство. *Электән утызлап қына дум булган монда. – И раньше было здесь только по тридцать домов.*

Пумич (рус. помочь) – коллективная помощь (тат. литер. өмә). *Орчоқ пумич* – прядение чего-либо сообща; *қаз пумич* – помощь по выпивыванию гусей; *ызба пумич* – обычай совместной постройки дома и т.д. *Пумич йасыйбыз ызбаны күтәргәндә. – Избу обычно поднимаем совместно, коллективом* [4, с. 542]. В лямбирском говоре западного диалекта *пумыч* – в том же значении. В русском языке слово *помочь* раньше означало коллективную работу.

Пачна сату (рус. басня) – сплетничать, говорить небывлицы, нести вздор. *Пачна сатып йаталар ийе үләрендә. – (Они) сидели дома, сплетничая.* В русском языке переносное значение слова *басня* – небывлица, вздор. Таким образом в говор вошло переносное значение данного слова.

Миста (рус. место) – место. *Бол ызбаның мистасында мәчит булган. – На месте этой избы была мечеть.*

Гурбайу (рус. горбиться) – нагибаться, наклоняться. *Менә урақ белән гурбайыб урасың ий. – Вот серпом в наклонку бывало работаешь* [Там же, с. 158].

Пәчкитләу (рус. пачкать) – пачкать. *Майыгызны алып куйың, чебен пәчкитләмәсен. – Масло уберите, как бы мухи не запачкали. Әйдәң, кызлар, чебен пәчкитләмәс борон ашаң әле. – Давайте, девочки, кушайте, пока мухи не запачкали* [Там же, с. 525]. В темниковском и хвалынском говорах западного диалекта татарского языка имеет место слово *пачкыну* – загрязниться, испачкаться.

Ладум (рус. ладом) – хорошенько, как следует, тщательно. *Куңгернеке бырачлар ладум бирмәгәннәр ысырапканы. – Кунгурские врачи как следует не выдали справку.* Слово распространено в говорах западного диалекта татарского языка.

Күләсә (рус. колесо) – колесо. *Арбаның күләсәе қырылды. – У телеги сломалось колесо. Қуласа: қоро қуласа – мельничный жернов* [Там же, с. 349, 424]. В говорах западного диалекта татарского языка *куласа* – колесо.

Кәнүшинәй (рус. конюшня) – хлев; теплое помещение для скота, сделанное из бревен. *Безнең кәнүшинәй эссе. – У нас хлев теплый* [Там же, с. 289]. Можно отметить расширение значения слова *конюшня* в исследуемом говоре. Данное слово в этом же значении распространено в минзелинском и чистопольском говорах татарского языка.

Уғрат/ағрат (рус. ограда; огород) – двор; картофельный огород. *Себерке генә төшөб алдым уғрат себерергә. – Я только сходила за метлой, чтобы подмести двор. Монда уғратта қорт! – Здесь на огороде жуков!* [Там же, с. 676].

Гөрнәчә (рус. горница) – закрытое крыльцо, навес над крыльцом, веранда. *Гөрнәчәне күтәрмәгә ясылар. – Веранду делают на крыльце* [Там же, с. 157]. Это значение данного слова не наблюдается в других говорах татарского языка. В значениях *горница, чистая половина избы* бытует в говорах западного диалекта: *гурнча, гурница, гурнича, гур'ынча.*

Лүжәнкә (рус. лежень) – лежащая часть дымовой трубы, боров. *Моржаның лүжәнкәсен арчымый утыртқан. – Поставил печной боров, не почистив* [Там же, с. 460]. В тамбовских говорах русского языка слово *лежень* – в том же значении [1].

Гөлбич/голбич/гүлмич/гүлбич (рус. голбец) – подпол, помещение под полом. *Гөлбичтә кәртүк куп қый. – Картошки в подполе много ведь. Гөлбич ишекне жабың. – Закройте дверь подпола* [4, с. 156]. *Гөлбич ара* – пространство между печью и стеной. В татарских говорах это значение передается следующими словами: в бирском говоре – *гөлмич*, в мензелинском – *гөлбәчте*, в мамадышском – *булмәч*. В русском языке *голбец* – пространство между печью и стеной, а понятие *подпол* передается выражением *нижний голбец* [1].

Бидрә (рус. ведро) – ведро. *Қодоққа бидрәсен иштеп тыққан икән. – Он оказывается отнес и засунул ведро в прорубь. Ашлы бидрә – лохань. Ашлы бидрә әлеге бидрәдән йувантыгырақ, қолау қуйылған. – Лохань пошире этого ведра, с дужкой* [4, с. 120]. Данное слово в значении *ведро* употребляется также в златоустовском, мензелинском и во всех приуральских говорах татарского языка.

Мискә/мичкә (рус. миска) – кастрюля. *Мискә бели китереп утырта йы. – Вместе с кастрюлей, бывало, приносила и ставила* [Там же, с. 480]. В мензелинском говоре татарского языка *мис/мичкә*, в бирском *мис*, в тарханском *миска*, в камышлинском, дубъязском, златоустовском говорах татарского языка *мискин* – в этом же значении.

Вахилә (рус. бахилы) – большие галоши. В камышлинском говоре татарского языка *бахила* – большие сапоги; в башкирском языке *бахила* – кожаная обувь с холщевым верхом. В русских говорах известно слово *бахилы*, которое выражает обувь разного вида.

Запун/запын (рус. запон) – фартук, передник. *Камилә, запуныңны бир әле. – Камиля, дай-ка твой фартук* [Там же, с. 198]. Слово *запун* распространено в нагорных, приуральских говорах, а также в говорах западного диалекта татарского языка.

Кәртүк/картуп (рус. картофель) – картофель. *Картуп туру* – чистить картофель [Там же, с. 276]. *Мәркән картуп* (рус. американский) – сорт картофеля. В заказанских говорах *әмерхан бәрәңге* – в том же значении. Различные варианты слова *кәртүк* распространены в говорах западного диалекта, а также в смежных с пермским златоустовском и красноуфимском говорах татарского языка.

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что особенностью, которая составляет специфику пермского говора татарского языка и отличает его от других говоров среднего диалекта татарского языка, является сохранение диалектальных особенностей русских говоров, распространенных на территории Среднего Урала, а также, использование некоторых русских заимствований вместо общетатарских слов, выступающих их эквивалентами.

Список литературы

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978-1980. Т. 1. 700 с.
2. Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ, 1996. 239 с.
3. Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964. 207 с.
4. Татар теленең зур диалектологик сүзгеге (Большой диалектологический словарь татарского языка) / сост.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова. Казань: Татарское кн. изд-во, 2009. 839 с.

**PECULIARITIES OF RUSSIAN BORROWINGS
IN THE PERMIAN PATOIS OF THE TATAR LANGUAGE**

Mel'nikova Galina Vladimirovna

*Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in Kazan
nighvolga@mail.ru*

This article considers Russian lexical borrowings in the vocabulary of the Permian patois of the middle dialect of the Tatar language. Special attention is paid to the differences making up the specificity of the Permian patois that consist in the penetration of dialecticisms from the surrounding Russian patois into the patois under study, as well as in the presence in the Permian patois of the Russian borrowings, which are equivalents to Tatar words in the patois of the middle dialect of the Tatar language.

Key words and phrases: Russian borrowings; Russian patois; Permian patois; Tatar patois; dialectal peculiarities; specificity of patois.

УДК 811.512.142; 373.47+82-1

Филологические науки

Статья посвящена исследованию лексико-семантических особенностей языка поэтических произведений К. Кулиева, богатого цветообозначающими компонентами в виде единичных лексем или словосочетаний. В ней рассматривается метафорически-символическое противопоставление некоторых основных цветообозначений по линии бинарной оппозиции, с помощью которых выражается мировоззренческое отношение к действительности. Анализируются порождающие и модифицирующие особенности качественных прилагательных, сочетающихся с абстрактными именами существительными, роль эмоционально-экспрессивного значения в построении лингвоцветовой картины мира. В работе исследуются случаи образования усиительных конструкций с помощью препозиционных частиц.

Ключевые слова и фразы: цветовая геосимволика; атрибутивное словосочетание; форма интенсива; экспрессивная функция; контрастные сегменты лингвоцветового пространства; цветовая метафора.

Мусуков Борис Абдулкеримович, д. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик
kbigi@mail.ru*

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЦВЕТООБОЗНАЧАЮЩИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА**

Язык художественных произведений карачаевских и балкарских писателей, особенно поэзии К. Кулиева, богат цветообозначающими прилагательными, словосочетаниями. Стихи поэта пронизаны любовью к выросшей его родной земле, природе, камням, листве, траве, песку, снегу, горным речкам, утренней заре, закату солнца, грозовым облакам, просто людям, своим соотечественникам. Большая часть творчества поэта строится на символическом, особенно белой. Ее выразителем выступает в данном случае цветообозначающее слово *акъ* 'белый' [5, с. 47-51]. С помощью цветовой геосимволики поэт выражает свое мировоззренческое отношение к действительности, безграничную любовь к горам, много внимания уделяет свету, солнцу, снегу, жизни – всему светлому в природе. При помощи слова *акъ* поэт показывает цвет горных вершин родной земли, цвет белого хлеба с родных полей, белой барашки, пасущейся на лугах, белых ночей в горах Чегема, свет жизни текущего дня, светлые намерения горцев, показывает, как вся его родная природа: леса, поля, реки, опушки, холмы, побелела от выпавшего снега. В своих стихах поэт много пишет о снеге, смотрит с любовью, как он равномерно ложится на родную землю, озаряя ее. Тот, кто в это время лежит в больнице, с надеждой смотрит в будущее, потому что идет белый снег, дающий уверенность на скорое выздоровление.